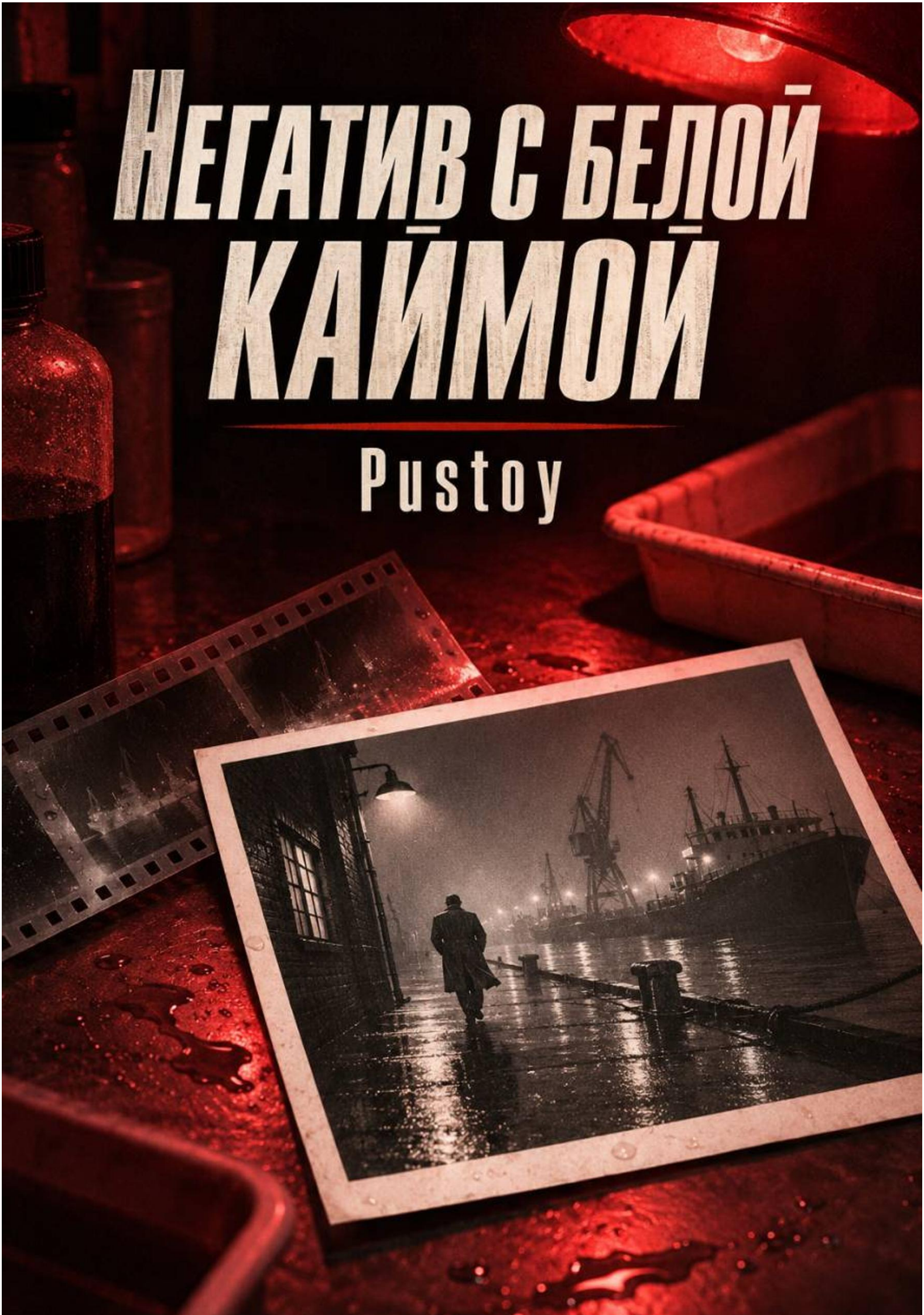
Негатив с белой каймой

Pustoy

Pustoy

Негатив с белой каймой

«Автор»
2026

Pustoy

Негатив с белой каймой / Pustoy — «Автор», 2026

Глинный Порт, 1998 год. Разбирая плёнки умершего наставника, фотокорреспондентка Олеся Немова находит негатив с репродукцией старого снимка. В центре кадра девушка наливает чай. За её плечом моет кружку электрик Даниил Ладин. В городе его помнят как человека, который шесть лет назад сбежал на «Иволге» с деньгами рабочих. Вот только фотограф нажал на спуск утром после отплытия. Олеся должна узнать, кто сделал снимок и куда Даниил пошёл после завтрака. Его мать все эти годы ждала ответа на совсем простой вопрос — где её сын.Текст романа и иллюстрация обложки созданы с помощью искусственного интеллекта.

© Pustoy, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Восьмой 6
Глава 2. Пальто к спинке стула 10
Глава 3. Среда у плиты 14
Глава 4. Два места на палубе 17
Глава 5. В углу рамки 21
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Pustoy
Негатив с белой каймой

Pustoy
Негатив с белой каймой

Глава 1. Восьмой

Когда со старой проходной сняли часы, под ними проступила круглая жёлтая стена. За сорок лет краска вокруг выгорела. Рабочий, стоявший на лестнице, подержал часы на уровне живота, поглядел на наш город сквозь дыру в циферблате и спустил их напарнику.

Я сделала три кадра. Больше плёнки на историю Глинного Порта у нашей газеты не было.

— Ты бы меня хоть предупредила, — сказал мужчина на лестнице. — Я от жены ушёл. Я ей ещё не сказал, что в доках работаю.

— А что вы ей сказали?

— Что пойду поищу себя. Если она узнает, где именно я себя нашёл, расстроится. Отец её всю жизнь тут за слесаря ходил.

Я подняла камеру. Он улыбнулся, и короткий чёрный зуб оказался самой весёлой вещью вокруг.

— Разные вы люди с её отцом. Тот у нас никогда не улыбался, — сказала я. — Для справки, как звать?

— Без фамилии обойдусь. А то вдруг она вас всё-таки читает.

Он отдал вниз вторую стрелку, работа пошла дальше, и эта семейная тайна осталась вместе со мной на трёх фотокадрах в камере, которая весила с полным кофром столько же, сколько полгода назад. До чего странно, что за шесть недель чужой смерти ничего не меняется в весе вещей. Мой наставник Савелий Грач выкупил когда-то эту камеру у московского корреспондента и в последнюю неделю продал мне за половину стоимости картофельного ящика. Денег я ему отдать не успела. Его дочь Инга, заранее рассердившись, запретила класть деньги в конверт с венком. Сначала бы я на месте покойного за эту сумму полезла в старый кошелёк сама, заявила она, а потом у себя на похоронах обсчитала всех, кроме той, которой должна.

Во вторник, второго июня, к реке потянул осенний серый дождь. В Глинном Порту такие бывают в любой месяц, даже в феврале: море, говорят, старше города и может выбирать себе погоду без комитета по хозяйству. Женщина в крашеной пилотке шла мимо проходной со сложенным зонтом в руке. Когда вода по загривку у неё потекла за ворот, она остановилась и тронула пальцем красную лавину волос. Синие разводы с пилотки пошли у женщины по лбу и виску. Она выругалась. Я не стала брать четвёртый кадр, просто подала ей свой носовой платок. Власть тогда принадлежала администрации порта. Но платок был мой, и я могла хотя бы во вторник распорядиться им по своему усмотрению.

— Олесь? — позвала она.

Это была Инга. Между её одним глазом и моим другим шла тяжёлая перегородка её отца, и поэтому с похорон я старалась не попадаться рядом с ней чаще положенного. Сейчас, прежде чем заговорить, она вытянула руку с моим платком себе за спину. Похоже, ей хотелось удостовериться, что он и в самом деле такой синий.

— Мне на тебя надо посмотреть, — сказала она. — Слушай, слушай и не волнуйся. У меня до семи на тёмную комнату ключ. Дальше они хотят сносить вторую стену и будут сверлить. Когда кран начнёт от стены отдирать провод, думай, где мы с тобой будем полки разбирать.

— Ты куда-нибудь уедешь?

— Я не уеду, я за смену в восемь рублей получаю. Если до пятницы не разберу, возьмут за хранение в те же деньги. Куда ты мои рабочие смены отцу после смерти записывать будешь?

У старой проходной ломали только одну стену. Вторая относилась к зданию, где раньше фотографировали портовиков на пропуска. После смены Грач делал для детей бесплатные снимки с пустой спасательной шлюпкой на заднем плане. Там был вырезан круг для лица матроса и мальчики ухитрялись продеть в него обе руки вперёд, пока голову не успевали нагнуть.

У каждого взрослого морехода в нашем городе могла храниться в альбоме такая глупая фотография, с какого бы берега его ни взяли впоследствии на государственную службу. Вся эта запечатлённая на холсте вода давно поблекла от вспышки, но только её мы нашли на старом месте. Стол, увеличитель, вдовий венок с гвоздиками — всё уже унесли. Комната это перенесла равнодушно. На полу в квадрате от шкафа рос мелкий зелёный островок, то ли соль проступила, то ли плесень начала своё счастливое лето.

— Здесь отец был где-то ещё какой-то весны живой, — сказала Инга, — и в первом ящике уже лежали мои книжки для первоклассницы. Прямо из больницы мне их сунул. «Из тебя ничего толкового не выйдет, если ты, взрослая женщина, не умеешь правильно носить варежки». Всем другим там отец перед смертью сказал до чего-нибудь памятного, а мне ровно совершенно простое такое. Как надеть сразу две варежки в июне. Слушай, ты хочешь его фотоальбом, где школа была, взять? Там целая задняя часть с фото учителей и как они здорово друг дружке елку подпирают.

— Нет. Школу вы никому не отдавайте, пусть у тебя будет.

— На «вы» со мной не надо. И я в конце концов не решила, можно ли у переносного радиоприёмника хранить его старую плёнку, он ей не повредит? Папа говорил: «Плёнку нужно уважать». Не переносной приёмник, естественно.

Возле мойки стояла коробка из-под печенья «Загорье». В крышке были проколоты две дырочки гвоздём. Внутри лежали обрезки плёнки, бумажные конверты и маленькая портретная фотография в правом верхнем углу: мальчик в лёгкой матроске, лицо ещё слишком крупное для плеч. Он сжимал в кулаке рыбий хвост, явно для того, чтобы всем думалось, что и вся рыба там тяжелее самой его жизни.

— Это твоё?

— Отец там сам маленький. Рыба на рынке висела. Он в этом кулачке не удержал бы даже мою коробку. Возьми, пожалуйста, конверты. Мне их не унести. В детский альбом он сам себя положит, я обещаю.

Самый верхний конверт к крышке слегка приржавел. Инга стала отклеивать, я подхватила второй стороной, и высыпались на руки длинные чёрные полоски, обвивающие ладонь с редкой степенью домашней близости. Грач никогда не разрезал плёнки ровно, ещё при жизни наполнял рабочий стол обгрызенными перфорациями, скобками от конвертов и короткими, чисто по нему живущими словами. «Разводят коз за линией» значило репортаж о новой линии северного парома. «Печная тяга. Аня!» — голая семья возле печки в Липняках, у которой надо вернуться к выпускному и заплатить за печать для деревни. На потерявшем гуммиарабик буром конверте сверху стояло «Негатив с белой каймой. Восьмой». Рука Грача. Наружные рисунки на конверте — тяжёлое крыло с сильными сгибами из школьной тетради. На краю мальчишеское, угловатое: «После последнего звонка не курить». Под броской надписью лежал единственный кадр.

Я поднесла к окну. У людей на негативе светлые волосы, где на самом деле тёмные, а вместо глаз белые пятнышки, в которых разглядишь любимого человека с той же точностью, что и в двух дырочках от шила. Но там видна была рабочая кухня: белые на плёнке кабели, настенный щиток, девчонка на переднем плане держит возле лица миску. А дальше мужчина на самом краю, чуть в стороне, будто оказался внутри для служебного разговора с фотографом. По четырём сторонам кадра шла тёмная граница, слишком толстая для края подлинной плёнки; правая в верхнем углу выщерблена в форме буквы V. Грач умел доводить меня до изумления и после смерти. «Ты сперва спроси, — говаривал он, — что фотографировали. Лицо, паспорт или стоящую на шкафу фотографию с лицом? В твоей газете это три разных входа в один и тот же дом».

— А этот кто? — спросила Инга через локоть.

— Посмотрю в редакции.

— Глупая я, сказала, чтоб ты унесла. Теперь захочется знать и мне, что там ему до нас так было нужно.

Она отправила со мной коробку и два варёных яйца. Яйца чересчур долго жили в командировках у газетчиков; соль они забывали брать только на работу. В этот раз нашёлся один клочок с солью из жестяной табакерки, которую она получила в детстве за хорошее поведение. Я дошла до «Вечернего причала», неся коробку обеими руками. За баней сморкался старый громкоговоритель; второй росчерк дождя снёс в землю приехавшую было за бумагой руку флагманской «Волги». Чиновник убрал руку. На стене висела наша прошлогодняя подшивка в железном лотке. Газеты успели промокнуть, заглавные буквы поползли вниз. Редакционная дверь была распахнута: у старшей корректорши сорвалось на мае первое во всей жизни давление, и два наших парня хлопали над ней тарелками, как мусорщики.

Я сразу пошла в тёмную комнату. Спасибо моему отцу по профессии: он заставил нас поставить целый второй увеличитель. Его заграничный «Крокус» был уже вмонтирован в редакционный стол, так что не придётся неделями таскать части разобранной мастерской с восьмого причала. Я включила красный фонарь, оставила дверь запертой минут на десять. Пять дней до зарплаты, десять лет моих снимков, тридцать четыре года с женщинами Немовыми и портовым ветром, а самой обычной смешной радостью по-прежнему был чёрный бархат на мокром бумажном листе. Картинка приходила из пустоты медленно, сначала проявился рот девочки, следом тёмная линия заката на стене, округлая белая посуда у края. Потом мужчина вытянулся в рабочей куртке у стойки, взял в руку кружку и вышел на свежий воздух того утра, когда его фотографировали. Вот тут меня и ударило.

Я знала это узкое лицо. Левую щёку, круглую массивную губу на построенном почти квадратом подбородке, складку у уха. Его хотели забыть шестьдесят человек с восьмого причала, но это было трудно, потому что каждый день в гардеробе у старой портовой столовой работала его мать. Когда давала номерок, тяжёлые губы у неё выступали точно так же. Когда мы выпускали газету в мае девяносто второго года, этот человек побывал в ней на крохотной фотографии возле именного списка. Пропал мастер-электрик. Поговорили о деньгах, которых недосчитались. Потом написали маленькое продолжение о ночном рейсе. В порту небольшие хваткие люди распорядились вести себя так, как будто решение суда состоялось, хотя никакого суда не было.

В комнате ржавый отопительный стояк остывал быстро. Я сидела возле гладкой неработающей батареи с мокрым отпечатком и не могла освободиться от ощущения, что встретила мужчину, которого прежде ни разу не видела. Когда два человека на фотографиях похожи, первая наша работа — написать их имена карандашом на разных листах, говорил Грач. Потом положить рядом и найти отличие. Если не найдёшь, попробовать ещё раз, пока жив. Нашла папку с подшивкой за май. Шестое, восьмое, девятое, одиннадцатое; четырнадцатого между прогнозом дождя и заметкой о сломанном большом кране в вечерней колонке дали три строки. «С 5 мая дома не появлялся Даниил Ладин, двадцать шесть лет. Имеются сведения, что в ночь на шестое мая он покинул Глинный Порт на борту „Иволги“. В кооперативе уточняют сумму недостачи». Подписано «По сообщениям сотрудников». Следующий номер подливал своей хваткой колодезной воды: «похоже, отсутствующий взял с собой кассу». Комок, которым в него кинули через шесть дней после пропажи, дорос на улице до размеров грузового причала. Даня Сухарь. Сбежал с деньгами. Мать от того стыда в гардероб и засела.

Я вернулась в лабораторию. Позитив сох. Белая кромка по четырём сторонам, выемка в правом углу. Я не смотрела на тёмные глаза Ладина. Смотреть на отпечаток — значит смотреть куда-нибудь ещё. За ним на кухонной стене было написано на картоне в клетку: «Среда, 6-е». Ни года, ни месяца. Галя Ладина с улицы Водовозов держала плащ нашего редактора на крючке, куда никто не решался сунуть грубую мужицкую руку. Человек на фотографии мог оказаться её сыном, а мог оказаться двоюродным племянником из соседней артели. Но если

всё-таки это он, надо было задать кому-то ещё ровно один довольно простой вопрос. В какую среду его сняли?

Барков, прочитав первую строку собственного листка ещё из-за моего плеча, медленно потянулся к стакану воды.

— Ты бы позвала, Олеся. Я ведь с ним в одной школе учился.

Глава 2. Пальто к спинке стула

Барков взял отпечаток за самый угол и понёс к окну. Из окна на него смотрела наша баня. В доме напротив у меня была комната с печкой, куда иногда затекал через закрытую форточку такой сильный запах берёзовой воды, что я возвращалась из редакции уже будто бы побывав в своей комнате днём. Сейчас там, за занавеской на последнем этаже, загорелся свет. Ошибка. В том окне жила моя соседка.

— Тот, — сказал Барков.

— На каком основании?

— Подбородок, глаза. Если я его с восьмого класса выводил за воротник, я, пожалуй, имею право. Их трое сидело позади моего последнего стола. Сначала я думал, это просто освободили место у доски, а потом вспомнил: они так учились вытаскивать друг дружку на уроках на ответ. Даня пальцем задерёт воротник, Коковкин сядет высоко, третий рукой показывает, где у Коковкина сейчас голова. Не смотри на меня, фотограф. Эта штука работает только пока всем троим по четырнадцать. А потом за несколько лет сразу попадаешь в порту в реестр разных людей. Один мальчик делается управляющим складом, другой — мастером передвижной механики, третий уплыл из города. В тринадцать лет мы думали, разделиться на три стола страшнее всего, что может случиться с пацанами.

— Это не основание печатать.

— Для печати другое основание. Сколько у тебя часов прошло с того, как кадр в руке подержала? Полтора? Завтра можно на планёрке выбрать один из двух вариантов: лошадь местного художника на фасаде бывшей детской библиотеки или история про Даню, снабжённая непонятными подробностями. Или ты, глядя мне в глаза, говоришь, что оставляешь мне лошадь за деньги, а к родной матери пропавшего сама съездишь.

— Я за свои съезжу.

— А вот это тоже у нас сейчас будет за деньги. Держи.

Он положил на отсыревший подоконник десять рублей, несколько раз сложенных восьмушкой. Заводская газета отменила телефон в редакции на месяц. Полтарифного номера на входящие звонки у нас хватало, начальство как раз боролось за нормальные исходящие. Городские учреждения списали на бумагу апрель. Редактор платил за разговоры корреспондентов мелочью на углу у рыночного автомата, и если отыщешь мастерицу, которая умела обернуть вокруг него фартук в перемену погоды, то дозванивался даже в деревни. Автобусу эти десять рублей предлагали уже вполне настоящую возможность доползти до левого берега.

Я отцепила ремешок камеры от запястья. Завернула мокрый ещё снимок в папку, проложив два листка картона. Заперла камеру у себя в столе.

— Ты бы обработала левый край, — посоветовал Барков. — Там головы почти нет. Только стол. На полосу пять сантиметров унесёт.

— Пусть будет стол.

В восемь без десяти вечернее солнце долго ещё жгло верхний край портовой конторы, а под ним тротуар был чёрен, как у меня в лаборатории. Автобус шёл за шесть минут до начала ночной смены; я ехала среди мужчин, которым выпадет ещё один рассвет над грязной водой, и ни один мужчина о том не догадывался. Обсуждали кольца для рыбы, зубные мосты и какого размера ребёнку нужен мяч, когда тому идёт второй год. У старой столовой покачивалась на проволоке единственная вывеска «У нас кормят». Там раньше было имя, его что-то перестало устраивать хозяев. Какое-то время, прежде чем приготовить прохожему еду, в этом городе пробовали назвать его гостем. Теперь было достаточно просто накормить.

В гардеробе Галя Ладина повернула ко мне деревянный номерок.

— Пальто к спинке стула не прибивайте, — сказала она. — Снимите. Закусочная работает ещё двадцать минут, вам хватит.

— Я к вам из «Вечернего причала».

— Пальто можете обратно надеть.

Она была не старой. В шестьдесят с небольшим, Анне на линии раздачи ровесница. Волосы на лбу в светлых пружинках. К белой выкройке форменного платья на левом плече подшит кусочек прежнего форменного платья другого оттенка, а лицо держалось на удивление строго, будто на нём оставляли чуть меньше света, чем для остальных людей.

— Я без камеры. Можно поговорить?

— Поговорите с чучелом. Справа от двери Лёшка из столярки оставил морского кота, он всем нашим приезжим лучше меня годится. За селёдку отвечает, за морскую выучку отвечает, ест мало. В отличие от моей головы ему положено один раз в год опилки из ушей вытряхивать, и никаких вопросов, почему он не за той дверью сторожит сыновей.

На две верхних ступеньки гардероба уже спускалась девушка в юбке из парашютной ткани, с подбитой под локтем вазой красного стекла. Галя сунула руку в ряд номерков, серьёзно сказала, что «сорок пятый парень не отдал, пока похороны не запомнит», вынула с полки мягкую серую блузу и сразу достала булавку.

— Обязательно застегнёшь. Перегорит у него глаз твой кругленький от тёплой шеи, он и другую найдёт. На том берегу не все наши добрые, Лера, ты ног-то ради бога сними каблуки.

— Тётя Галь, я на свою денюху еду. Мне на своей денюхе можно тёплую шею и себе немножко оставить? Для своей собственной кровушки?

— Для кровушки обязательно оставь. Так и отрезай потом по номерку, кому какая придётся часть. Тёте Лене на ужин, тёте Жене на концертную поездку.

Девушка фыркнула, приподняла вазу и ушла. Лишь когда её шаги стихли в коридоре, Галя сказала:

— Из вашей газеты мне до этого два человека обещали: первый никогда не печатать без согласия. Второй разыскать. Второй был пожилой и звался Грач. Голова большая, рукав у запястья прожжён сигаретой. Пять лет назад его не репортажи заставляли писать, он сам приходил вместе с моей сестрой. Мы тогда на первой кухне три часа сидели, а потом он обещал поругаться с милицией и ушёл.

— Я приносила ему вышедший номер в больницу. Он полтора месяца как умер.

— У него дочь?

— Дочь тут. Инга.

Она поставила ряд номерков у доски к стене лицом.

— Садись. Сейчас кассу закроют, меня выгонят домой. Кофе выпьешь?

— Выпью.

Гардероб был тесный и снаружи, и внутри. Не разденешься стоя, приходится глубоко наклониться, залезть одной рукой в верхнюю штангу, другой придержать её, потом одновременно расправить подол, чтобы не упёрся в старые пристёгнутые к стене коньки. Могло случиться, что где-то за коридором разбили самую большую тарелку. Галя постояла минуту, прислушалась, раскрутила термос и налила мне в крышку. У кофе был горький вкус, который я теперь не позабуду ещё лет двадцать.

— Что, — спросила она, — жив?

— Я не знаю, Галина… Вы как по отчеству?

— Я здесь Галя. А ты Олеся была у Грача. Он тебя так в газету загонял, надо было тебе с самого начала попросить из другого места, а не с третьей страницы. На третьей одни умершие и закрытые попойки. Утром лежала бабка одна, а позже всё с какой-нибудь летней красной информацией на пять сантиметров было переложено.

— Я не знаю, жив ли Даня. Я принесла фотографии одного завтрака. На ней мужчина. Я хочу сначала узнать у вас, похож ли он. Ты мне скажешь, если этого не сможешь вспомнить?

— Вспомнить, похож ли он на собственного сына, я бы, наверное, догадалась. Вы сначала от меня хотели услышать, что я промолчу? Так я могу молчать сколько садов ещё надо этому городу, но смотрите сами.

Я вытащила картонку. Мать бережно подцепила пальцем наружную бумагу, стряхнула на пол две твёрдые крошки хлеба, ополоснула руки за занавеской и высушила их в собственном подоле. Кухонное полотенце у неё оставалось на крюке со шнурком.

— Меньше нашей свадьбы. Раньше на свадьбе Данька уже эту куртку носил. Буквы тут нет на кармане.

— Какой буквы?

— Потом пришила, два кармана были, рукав прострочен вот так. У тебя лупа есть, Олеся? Пусти на край доски.

Она вынула из заднего кармана свою лупу и полезла на ящик, чтобы держать снимок прямо под лампой. Я взялась за спинку её форменного платья.

— Я сама, — сказала она. — Убери. Не будешь же ты вошедшим на лестницу рукава придерживать, чтобы они свои жизни не прожили. Так. Рукав мы чистили с обеих сторон, не помню чего был рубец, кажется, он тёр металлическую трубку на складе. Дыру круглую я заштопала белой суровой ниткой, настоящий синий нашёлся кусочек да пришлось посреди него одну треть оставить белой. Тут видно. Левое плечо он немного выше ставит, чем правое.

— Значит, это он?

Она целых десять секунд смотрела поверх карточки на маленькую железную ручку, которой закрывалось гардеробное окошко. Ногтём подцепила место ровно над Даниловой левой рукой, но не ткнула в бумагу.

— Это он. Я попрошу теперь тебя кое о чём, раз ты сама, без машины. Начните с простого: последний раз я его видела вечером пятого мая. Хотите потом написать, что я верила в чудесное возвращение, не надо писать. Не надо говорить матерям, что у меня, мол, одной хватает смелости ждать. Это не смелость. Вдвое грустнее тратить воду на суп, когда сварила на троих, а придут двое. Подруга моя всю вторую зиму приходила по четвергам доедать. Кто здесь теперь у кого горе украдёт, если я не буду всем этим выглядеть, когда пойдёшь завтракать?

Она поставила передо мной мелкую коробку из-под чая. Горсточка стружек, кораблик из пробки, слишком лёгкий, чтобы ставить на него большой палец; накладной крючок для хлястика. Кораблик можно было поднять за крошечный борт, он и на самом деле словно шёл при этом у тебя вдоль ладони. Галя сняла его двумя пальцами и подвинула на перила, чтобы в уме вышел придуманный её сыном невысокий, ясно вычерченный косой берег.

— Даня электрику чинил. Потом ему привезли эту вторую работу, кассу. Он понимал число. Порошка в мою зарплату надо по трём разным местам оплатить, чтобы наличными в конце не осталось ничего. Хотел провернуть это на обоих работах, я стала бояться: рядом-то деньги чужие. Деньги, знаете, терпеть не могут, когда их одна рука туда-сюда сдёргивает, а другая с ними ходит. Говорил как раз в тот вечер: «Должны они получить свои честные деньги. Как ещё сделаешь честные деньги?» У них опять ставка была задержана. Утром должны были встретиться в кооперативе. Он не говорил, с кем. Ничего не хотел мне давать. Я ему под куртку сунула кусок хлеба, он краешек обломил и пошёл кормить кошку на лестнице. Корочка заворачивалась всё время в одну и ту же бумагу: на ней первый раз год назад напечатан был список книг, которые требовалось в библиотеку вернуть. Вернул ли две штуки до пятого числа, я не знала. Потом оказалось, уже вернул. Мелочь, да? Как будто большая жизнь успела о себе ещё утром позаботиться.

Раздатчица крикнула, чтобы выходили. Осталось загнать в гардеробный шкаф два пальто. Одно за другим Галя повесила их овальными плечами внутрь, погладила подкладку того, что

легло первым. Там у мужчины мог утром один тихий шов разойтись, и она пришей да придержи, а то высыплются у него деньги в пролёт.

— У кого вы ещё спросите? — наконец сказала она.

— Кто дал эту куртку, я, кажется, знаю. Кто снял — пока нет. В следующий раз, если буду знать, зайду.

— Если ничего не найдётся, карточку мне верни. Сюда её просто так один раз не приносите. Вам для вашей газеты потом хорошо будет сказать, что он жив, или что он кого-то убил, или что плавал шесть лет под другим именем. Я не согласна это напечатать. И сейчас вот, сколько есть, не даю. Я так и сказала?

— Ты сказала это совершенно понятно.

— Вот и всё. Теперь можешь обо мне другой разговор заводить, про свой город, про ту же баню, всё. Наложи на сырой снимок потом упаковочную бумагу с внутренней стороны, чтобы отлипла. Ты лучше меня знаешь, но я всё равно скажу.

Я вышла без её согласия на публикацию, с подтверждением личности и пальто, которое теперь несла на руке. Барков не нажал на меня, когда позвонила. В телефонном автомате нашёлся живой комар, стоявший на решётке так высоко, будто он и установил в своей комнате все телефоны с личной поправкой на приём чужих слов.

— Посмотри завтра у кухни, — сказал Барков. — И деньги свои у нас не трать. Моя вторая работа — так распорядиться, чтобы быть тебе за это благодарным.

Глава 3. Среда у плиты

Утром из окна я увидела, как хозяйка бани вносит пожарное ведро через парадную дверь. Знали бы молодые журналисты нашей газеты, сколько доказательств чужой преступной деятельности может придумать человеку простое, нужное в работе ведро. Я вышла вниз, спросила, почему через парадный, если за углом есть служебный вход. «Потому что я за хлебом была, — сказала она. — Купила две тёплые, большую и маленькую, в другой руке нести негде». В ведре лежали две буханки под вафельным полотенцем. Нормальной температуры хлеб, и дверью можно пользоваться всем.

В нечётные дни у старой столовой работали трое: Морковкина на рыбе, Наталья Чугунная на кашах и тот, кто мыл за ними плиты. Человеку позволяли самому выбирать, с какого бока оттирать плиту первой старшины порта. Я приехала с картонкой под свитером, потому что с утра опять обещали дождь. Уличные часы раздевали вместе с проволокой, ровно полдесятого определить теперь можно было только по очереди рыбной машины. Мой бывший муж Андрей как раз ставил её у холодильника. На ходу сбросил мне с кузова маленькую тёплую шоколадку, которую держал в кармане у сердца, пока не вспомнил, что шоколадки там всё-таки тают.

— Ты как живёшь, Олеся? Приходила опять домой смотреть на своё пальто?

— Оно у меня на работе спит.

— Я про то бордовое, которое у нас на вешалке третий год висит. Оно там на семь месяцев раньше тебя уже развелось со мной. Реши, к кому отнести. Меня Мила просит на его место повесить своё.

— Милу я понимаю. Отдай куда хочешь, тем, кому подойдёт по длине и кому не надоест каждое утро вытаскивать из нижнего кармана щепотку старой краски.

Он спрыгнул с кузова на сгибах сапог. Бывшего мужа я любила слегка завидующе, потому что движение, каким ему удавалось остаться на ногах после такого прыжка, в моём возрасте и весе до сих пор мне не давалось.

— Что там, новую «Восьмёрку» снимете?

— Почему новую?

— Потому что ту уже закрыли. Помнишь их столовку на пристани? Красно-белая скатерть под стеклом, а само стекло под шапкой ветра? То был единственный раз, когда я реально видел суп в ведре. Налей на ветру, и если ничего не просыпалось, можешь давать замуж. Мне было уже двадцать пять, а давали только соль. Не только себе любили наливать. Рыбакам шла отдельная очередь. Вот я подошёл тогда к прилавку, а там Марья наша кухонная руками на ветру яйцо очищает, и вся эта тонкая шкура на куртку, на пальцы, на козырёк. Ты б такую сцену не упустила, а?

— Андрей, это было в каком году?

— Не помню. Точно не в прошлом, если нужен свидетель в суд, что синее ведро могло вынести суп на целую бригаду.

Он убрал из нижнего кармана ключ, вернулся к ящикам, и я пошла искать Марью. На первой кухне одно полукруглое стекло было отщёлкнуто из рамы, как пуговица. В оконном проёме курил в сторону рыболовецкого двора молодой сухощавый мужчина.

— Марья на восьмом, — сказал он.

— На каком восьмом?

— Показывать будете фотографии? Покажите. Я ей давний младший, могу передать. Выясняете, кто за доску с ценами отвечал? Начальник в восемь позвонил, спрашивал, знает ли кто про вашу работу.

Во двор выходила лестница с белой стенкой над двумя проводами. У нижней ступени сидела Морковкина, прозванная так из-за рыжих дочерей, которых она воспитывала без мужа.

Скребла обухом о край котла, свеча пота на носу начала стекать ниже к губе. Фамилия её в паспорте была Стожарова, Мария Афанасьевна.

— Ну наконец, — сказала она. — Галя меня разбудила рано. Мы с ней за одним стендом в табеле стоим. Долго к нам едут с волшебными фото. Ты, Антон, в окно не пепли, я ж мою там людям сегодня на всех живот. Есть два разных стола, — объяснила мне Морковкина. — Первый шёл стационарно в здании. Второй на восьмой привезли автобусом. Столешница до сих пор под навесом стоит, сегодня на ней свежую чистую рыбу никто не режет, потому что надо сперва отскоблить. Сразу скажи: что ты с моей физиономией там опять делать собралась?

Я вынула рабочий отпечаток. Она не стала тянуть его к себе на колени, как это хочется сделать почти каждому, когда ему показывают старую себя среди незнакомых. Поставила возле меня котёл и достала из кармана маленькую кусачую щётку. Послала своего Антона найти ей замшевую прихватку, чтобы подержать щётку аккуратно. И лишь после этого посмотрела в мою сторону.

— Я там в другом платье, это весна. Но у меня каждый год был май и, насколько помню, каждая неделя имела хоть один средний день. Хотите, я все их вам переберу до нового года.

— Временный прилавок. Когда начали?

— Вот этот — первый наш выезд. Вчерашняя новая полка под чай с заводским белым краем. Видишь? Когда из-под берега дуло, стол был хоть и возле стенки, ветер срывал рубероид со старого навеса. Мальцы промазали полку сырой краской и я им сказала: «Ребята, кто же стол с краской в первый рабочий день привозит?» Ещё сюда прикрутили крючок для половника не той стороной. Выставили его таким крючком в море, чтобы чайки носом махали и кричали над рыбачьей работой. Я велела прямо на месте переделать после обеда. На второй день уже два крючка было.

— И сколько он там стоял?

— С одной среды по вторую пятницу, это точно. Дожди потом пошли ползучие. Перенесли супы на ближний клуб под навес, где холодную воду в буфете легко найти. Предполагаешь, он в это время должен был уже где-то далеко не жить?

— Кто?

Она острым краем щётки указала на левый рукав человека у стойки.

— Я с ним как раз в то утро говорила или не было ничего такого. Ты же видишь, что я стараюсь доказать: всё вижу, ничего не понимаю. Сначала занимаюсь своим чайным крючком и потом, если надо будет, ищи женщину, которая помнит не бóльшее, чем мой рыжий сын. Не родила я сына, а иногда жаль: девицы мои уж слишком на людей смотрят, как можно больше в них надо найти того, чем они не станут. Жаль Галю. Но не до смерти же мне теперь выдумывать, что я видела его в то утро. Меня там вообще не видно, видишь? Моя правая рука держит котёл, а осталась за пределами фотографии. Сейчас я уверенно скажу «я», а на месте меня мог в ту минуту стоять Антон. Эх, служивые. Заснули у вас фотографии под пробкой, думаете, какой год снимешь пробку, такого года люди проснутся.

Она позвала вторую. Наталья по прозвищу Чугунная оказалась сухонькая, с одной бровью, выкрашенной чуть темнее другой. Вместо приветствия поправила мне сзади крючок на пальто и попросила Андрея с кухни не уходить, потому что у него эта привычка выдавать налево их рыбные нормы, а они уже почти кончили сосчитывать, кто сегодня обедает.

— Дай ей ту расходную книжку, — велела Морковкина. — Табель с панталонами.

Книга с панталонами была школьной тетрадкой в косую линию с приклеенной поверх обложки рекламой швейного цеха. На кремовом прилавке неизвестная счастливейшая женщина примеряла широкие розоватые штаны, чуть приподняв подсвеченную изнутри коленку. Новые места выдачи еды нумеровали отдельно: №4 — вахта; №5 — мост; №8 — первые три дня работы выездных обедов. Не существовало №7, его всё время переносили, а у семёрки был

красивый номер, его оставили для столовой у моря вне города, там так никогда и не поставили плиту.

Под первой средой стояло: «6.05.92. Шестьдесят восемь обедов. Полка новая под чай. Скотч вернуть Семёну. Выдали в первый раз». Дальше, под 7 мая, буквы сильно выгорели, стоимость масла не стала светлее от времени. 8 мая пятничное меню: каша зелёная. Следующая пятница, по словам Морковкиной, должна была стать последней. Тем же почерком добавлено: «Закрыли, сыро». Три мелких крестика. Мы отнесли тетрадь к окну и сняли её, чтобы не забирать с собой и не обескровить на полдня работающий цех.

— Ты свяжи всё вместе, — сказала Наталья. — Такой стол, этот крюк, надпись «Среда, 6-е», тем более вот возле доски справа читала? Там моё личное «Лёха, отдай ручку». Лёха у меня тогда учился в десятом, это была наша с ним большая драма. Он обещал за мой счёт быть до вечера в школе, а сам за обедом приходил в порт смотреть на одну высокую девчонку. Крючок переставили, вечером ему для ума наряд на двоих записали, первый день на календаре — и всё в одном кадре. Научилась?

— Научилась, — сказала я.

— Теперь ты видела, как человек забывает своё заявление, что утром шестого здесь был сам Даня. В мои обязанности входило никогда и ни о ком плохо не думать, покуда мы кормим. Галя пусть сама решает. На двор его сводить сегодня нам уже не придётся, он хоть где-то всё равно у людей живёт или умер, а мы этого не знаем.

До самого выхода я несла в кармане ничего не весившую дату. Двадцать шесть лет, куртка с левой заплатой, кружка у стойки, утро шестого мая. Порт за три дня составил про него готовую нехитрую легенду: взял наличные деньги, отговорился дурной жизнью и сел в ночь с пятого на шестое на «Иволгу». Но утром он вовсе не мог, пройдя реку на юг всю ночь, оказаться в своей же куртке под этим крюком без помощи любого из людей, которые куда-то отвозили покупателей рыбы. Надо проверить рейс. Очень может быть, он уехал уже после того утра, и деньги с ним. Очень может быть, после того утра никогда никуда не ездил.

Барков в редакции отложил две оплаченные листовки и сказал:

— У тебя ватный вид, Немова. Поешь пирог с мясом, я на него только что скопил до обеда. Что дам на первую страницу, если ты скажешь да?

Я посмотрела сквозь его окно в свою пустую комнату над баней.

— Дашь рабочего с циферблатом. Человек честно просыпается под дождём, жена не знает, что он занят на сносе проходной. Дай со спины. У меня кадр есть.

— А вера в правильную жизнь в цепи у тебя привязана?

— Пока у меня только паром и старая доска. Ты ещё успеешь печатать покойников, когда они действительно умрут.

Он разрезал пирог пополам своим длинным ножом для бумаги. Внутри вместо мяса была горячая капуста. Барков сказал: «Как видите, мы сами заинтересованы подождать проверенной информации», — и одним движением подвинул мне большую часть. На наших одиннадцать зарплат подобные шутки давно уже ничего не стоили.

Глава 4. Два места на палубе

В порту было две кассы. В одной люди отдавали деньги, в другой получали. В первой работали за синей занавеской, во второй за зелёной. Мне с детства хотелось знать, меняется ли цвет, если кассирша переходит из одной в другую. В четверг я наконец спросила. Женщина, которая всю жизнь продавала билеты, ответила, что занавески куплены из одного куска ситца. Окна на разные стороны.

Она подняла штору. Со стороны солнца старая ткань и правда выцвела до синевы.

— Что вы хотите напечатать? — спросила она.

— Пока собираюсь свести две даты. Как ходила «Иволга» в мае девяносто второго?

— Между нами и Северной косой. Два раза в неделю ходила ещё дальше, до Мшанки. Хотите билет?

— За девяносто второй?

— Нет, до Мшанки. Вы стоите в очереди, я людям показываю, что работаю.

За мной уже стояли мужчина в бумажной фуражке и девочка с двумя ластами под мышкой. Я отошла к стенке. Девочка взяла для себя и подружки два детских до косы и сказала, что обратно её заберёт папа. «За вторую половину твоего счастья пусть платит папа», — сказала кассирша и выдала сдачу. Мужчина в фуражке молча поставил в окошко баночку простокваши, которую женщина сразу спрятала в стол.

— Во сколько у вас перерыв?

— Мы с вами знакомы, а вы делаете вид, что нет. Я Люся. Сын мой давал вам выпускного карпа, в прошлом году. На весь класс один был трезвый, поймал две штуки.

Я вспомнила карпа. Мы приехали в интернат снять последний звонок, а попали на разлив, который затопил крыльцо как раз в назначенный для линейки час. Рыбу держали в школьном ведре с надписью «для доски». Её хотели выпустить, потом решили съесть, потом первая учительница заплакала и в суматохе какой-то мальчик сунул ведро мне. На полосе я подписала его тёзкой. В следующем номере напечатали исправление.

— Вот вы и краснеете, — сказала Люся. — Карп и карп. Мой муж три месяца говорил, что я вырастила неправильного сына. Кому ж ещё за правдой идти, как не к вам? Приходите без десяти двенадцать. Перед перерывом не продаю, к закрытию могу опоздать.

Она сидела на высоком никогда не крашенном стуле, со всех сторон обросшем ящиками. В каждом ящике прежде возили по две банки на три литра. Теперь в них хранились ленты подсчётов, квитанции, проволока с пломбами и отдельно туго скрученные белые бумажки от мороженого. На них, объяснила Люся, удобно записывать домашние телефоны, если вырвать из пачки исписанный кусочек и перевернуть.

— На «Иволге» не было как в поезде, когда обманывают только с постельным, — сказала она. — Мне приносили из конторы фамилии тех, кому оплачивает проезд предприятие, фамилии тех, кто ехал по старости со скидкой, и в каких числах кому положена каюта. Остальным я продавала палубу. Там совсем другая бумажка. Обратно можно было плыть с тем же шкипером хоть в тот же вечер, только деньги новые.

— В ночь на шестое в самом списке Ладин есть?

— Вы меня спрашиваете или за меня вспоминаете?

— Спрашиваю.

— Тогда ответ — не знаю. Вы мне фамилию впервые сегодня приносите. Я помню, какое у меня на пятый год работы было пальто. Людей помню, если с ними что-нибудь сделали при мне. За списком пойдём вниз.

Мы вышли к открытой лестнице. На стене, куда не доходил запах рыбы и мазута, целое окно было залеплено объявлениями «В море требуются». Когда их писали, ручей высохших

синих чернил стекал каждый раз в одну и ту же трещину. Внизу люди, ожидавшие оформления, укладывали на колени папки с документами.

Заведующий билетным хозяйством посмотрел на моё удостоверение, попросил Люсю закрыть дверь и спросил, отчего женщина в пальто после четырёх часов слухов до сих пор не знает, что сын приехал. Утром ему уже два раза звонили из редакции.

— Полностью представлялись?

— Первый сказал, он из вашей. Второй сказал, если приедет корреспондент, не забудьте взять расписку за возврат материалов.

— Второй, скорее всего, из моей. Сын никуда пока не приехал. Мы проверяем старую заметку про паром.

— Вот это бы вчера мне и объяснили. А то жена мне ночью: «Посмотри, Костя, в окно. С машиной не ошибся дворник? Может, в этой его везут». Ей в детстве дядю из рейса не довезли. Летом спала в платье, чтоб не потерять время. Разбуди её сейчас и скажи, что человек нашёлся, поедет на вокзал, хотя собственного дядю сама же хоронила двадцать лет назад. Вы понимаете, чем в нашем городе торгуете?

— Понимаю, сколько у вас времени. Давайте посмотрим.

Его звали Константин Игоревич. Люся положила ему на стол ключ. Время от времени в контору заглядывали люди, он что-нибудь подписывал. Две девочки внесли таз с водой, затем вытолкнули в коридор кресло на колёсиках. Ни ему, ни мне никого прогонять не пришлось. Здесь давно привыкли, что если запереть дверь для серьёзного разговора, кто-то изначально окажется в проигрыше, поскольку опоздает на паром.

Папка называлась «Приход рейса». В майской описи под «Иволгой» шли в шесть строк фамилии судовых работников. На отдельном полулисте числились двенадцать человек, имевших места в каютах или проезд от предприятия. Я прочла каждый слог дважды. Ладина не было. На обороте стояла цифра продаж обычных палубных билетов. По ней нельзя было никого назвать в лицо, и мы втроём это хорошо понимали.

— Еще был билет на имя Никифора Матвеевича Каплина, начальника сигнальщиков, — сказала Люся. — Вытащите девятнадцатое. Загнутая такая.

— Почему девятнадцатое?

— Потому что это он покупал, ваш. Со скидкой бронировали вперёд. Я сама дала ему билет. Потом прихожу утром, а портовая милиция уже обо мне знает: Люсь, ты продала? А я киваю. Продала. Они от меня и ушли в ту минуту, прежде чем я успела взять со столика календарь.

Она присела на край кресла, к которому вернулись обе девочки с мокрой тряпкой. Выслушала извинения, встала. Константин Игоревич вынул страницу. Девятнадцатого, до Мшанки, на имя Каплина. Подпись о получении могла принадлежать хоть самому Каплину, хоть соседскому мальчику, которого послали получить за него, осталась одна буква и неумелый узел. На каком основании Люся знала, кому отдала билет?

— На таком, что его мать мне сделала первую завивку. Он тогда сидел под тазом и плакал. Не любил, как мать на чужую голову руки кладёт.

— Других билетов он не покупал?

— В мою смену я вспомнила один на девятнадцатое. По мне тут отбойную дрель можно пускать, я буду повторять одно и то же. Чего не знаю, того не прибавлю. А ты, Костя, дай ей бумажку, раз ей надо. Про меня в газете не пиши. Особенно про завивку. Я и сейчас не совсем кудрявая.

Она рассмеялась. Девчатам велела протирать у кресла ещё и под сиденьем, иначе к вечеру на юбке выйдет полукруг. Костя дал мне обычный рукописный ответ с датой, названием рейса и двумя строчками про особенность учёта безымянных билетов. На бумаге не было «не выез-

жал». Не было и «выехал». Эти два слова перестали быть равноценными только для меня, потому что я уже видела человека у временной кухни утром после рейса.

На улице я раскрыла старую заметку. В ней говорилось «по сообщению службы безопасности порта». Наш газетный архив сохранил листок, сложенный вместе с первой полосой. В середине круглого следа от чайной чашки читалось «получена информация по телефону». Конец листка ушёл под нож переплётчику. Фамилия уцелела: Метёлкин И. С. Бывший начальник безопасности теперь держал лодочный сарай на нижнем молу. Судя по словам костиного секретаря, заглянуть к нему полагалось днём. После четырёх Метёлкин уходил из сарая на ту же работу, исполнять обязанности сторожа.

По дороге я позвонила Баркову из бухгалтерии порта. У него были посетители, и ответил он как чужому.

— По моей просьбе звонил Косте?

— Расписка нужна всегда. Один журнал я так отдал в горсовет к утру, теперь его в шашлычной переложили в меню.

— Про приезд Дани кто спрашивает?

— У нас такое не спрашивали, и я никому не передавал. Немова?

— Да.

— Семья у вас там ни в чём не нуждается? Машина, например. Нам предоставили с рекламой до четырёх, сегодня мы можем кого угодно куда-нибудь повезти, если человек согласен торчать из окна до пояса с новой электрической блинницей.

Я посмотрела через стекло бухгалтерии. На стоянке стояла их большая красная машина. В окошко торчала картонная женщина в пышном переднике. Издали она походила на живую. Сказать спасибо за доброе дело Баркову было бы неприятно. Я сообщила, что надпись на левом боку у его автомобиля искривилась и реклама обещает теперь блики за две минуты.

Метёлкин сидел снаружи на ступеньках. В облупившемся сарае было одно застеклённое изнутри окно. За стеклом железные банки с гвоздями мерцали каждая отдельным светом. Рядом у пожилого толстого мужчины мальчик с собачьей цепью в руке требовал лодку на час. Собака лежала у его ног, слизывала набережную там, где уронили пирожок.

— Час будешь плавать, сорок минут вытаскивать, двадцать минут искать, откуда лодка взялась. У тебя до музыки двадцать минут всего, — сказал Метёлкин.

— Третий раз этого пса приходится выгуливать вместо моря. У всех отцы в море берут.

— Ну что ж. Будет у меня время, переговорю с морем о твоём отце.

Мальчик с собакой ушли, и мальчик тащил по земле цепь, а собака шла рядом привольно и сыто. Метёлкин поднял на меня воспалённые глаза.

— Старый кусок железа поднимать будете или пенсионеров в уме считать? Я бы согласился на всё, кроме последнего. Говорить не запрещаю, но чтоб каждую весну всех нас на новом фоне переснимать, это уже лень какая-то.

— У меня из портовой газеты лист со старым сообщением за вашей подписью. По нему выходит, что в девяносто втором вы видели человека на «Иволге». Даниила Ладина.

Я нарочно употребила слово «видели» в значении, которого в листке не было. Чуть опустилась на одну ногу, чтобы не получиться над ним следователем. От моего учтивого вранья мне сразу стало не по себе. Он вынул у меня из рук сложенный листок и прочёл в очках, которые носил в нагрудном кармане.

— Если по этому выходит, что я видел, этак у вас выходит и что я пятью языками владею. Не видел. Я написал «передано по телефону». Подпись моя. А что девчата мои опустили в типографию, Бог знает. Они народ молодой были, на каждое слово времени жалели.

— От кого пришло сообщение?

— Вы думаете, что человек с той стороны провод вам непременно назовётся? Меня в ту ночь не было на месте. Я только позже в конторе взял трубку и велел передать насчёт ремонт-

ников. В списке их сперва обозвали посторонними. А о Ладине мне сказали после, утром. Тут у вас, если по сырым срокам, последовательность несколько другая.

Я присела рядом. Под нами что-то тяжело повернулось в воде. Становилось жарко. С той стороны сарая пахло детским кремом и тёртой пробкой. Вода той частью, которая была видна, просторно двигалась вдоль нижней ступени. Я спросила, кто мог первым сказать про ночную посадку. Ожидала услышать удобное «не помню». Метёлкин ответил совсем другое.

— Назови я сейчас любую фамилию, вы опять напечатаете без человека. Потому что у вас под буквой «л» на машинке плохо стучит и хочется поскорей дойти до точки. У вас, газетных я имею в виду. Девушки вашей я нисколько не знаю. В тот раз мать его просила проверить речку. Я ответил ей, когда кому положено реки проверять. Подпись под ответом моя, пришлёте бумагу, оставлю ещё раз. Но вам не продам фамилию вместо своей.

— Удобно так получается.

— А вы что-нибудь другое придумайте. Неловкое. Придите ко мне при том, кто за это дело отвечает, чтобы я свою фамилию поставил внизу, а он свою вверху. Вот это и будет неловко. Разрешаете я закрою?

Мы встали. Он запер за собой дверь, попробовал цепочку, повесил надутый спасательный круг на длинный гвоздь. Круг был с галстуком из нового оранжевого шёлка. От воды этот цвет отражался у Метёлкина на лице, делал его бодрее и добрее.

— Откуда вы знаете про букву «л» на машинке?

— Ко мне одно время жениться ходили на вас. Весь город, по-моему, знал. Ваша мама сказала, оторвала бы этому парню руки, если он ещё раз принесёт во двор вашу машинку, чтоб почистить. А у вас и сейчас точно такая же буква, как два человека стоят и один другому голову положил на плечо.

— Кто ходил?

— Ну вот видите. Уже две фамилии хотите.

Я поймала себя на том, что иду до самого автобусного круга с довольно глупой улыбкой. Неужели в самом деле тот газовщик, что чинил мне балконную форточку, собирался жениться и рассказывал об этом Метёлкину? Если я так быстро проглотила ничего не стоившую вежливую байку о себе, сколько требовалось лет шести тысячам наших читателей, чтобы поверить в билет в один конец?

Я вытащила из сумки ответ начальника билетного. Опять прочла каждую строчку. На обычной бурой бумаге без труда помещались два разных места на палубе: то, на которое парень купил билет другому человеку, и то, которое мы, будто привязав верёвкой к стойке, навсегда оставили ему самому.

Внизу красной ручкой я записала вопрос, который следовало теперь задавать каждому: «Вы это видели своими глазами?» Над ним по старой привычке поставила номер сегодняшнего негатива. Потом зачеркнула. Нечего здесь было пока фотографировать.

Глава 5. В углу рамки

Инга Грач жила в квартире над зубной мастерской, на двери которой от чрезмерной охраны остались только два нижних гвоздя и веселая синяя надпись «Не бойся». Вдоль всего дома шла лоджия, отгороженная по числу жильцов досками, жестью и старыми кроватными сетками. Из-под сетки каждый раз к ногам Инги выкатывался упрямый красный мяч.

— Это Пашка зондирует, — сказала Инга. — Хочется мальчику узнать, какой мир за границей. Соседям он ещё не надоел. Они его только четыре года знают, а я от рождения.

Мы бросили мяч обратно. На кухне стол был покрыт простой бумагой, зафиксированной под столешницей канцелярскими кнопками. Из мебели покойного Савелия Никифоровича к стене спинкой стояло кожаное зелёное кресло. На клеёнке под креслом собралась глубокая лужа.

— Все говорят, продай. Кожаное! Знаешь, какая нынче кожа?! — Инга протёрла сиденье тряпкой и выжала её в квадратный жёлтый таз. — Не знаю, говорю, чего вы все с моей кожей носитесь. Там труба сзади течёт, торчит ровно до папиных бывших ушей. Когда слесарь уйдёт, отверну обратно. Сын через дырочку видит стариков внизу и думает, что это у нас свой телевизор про зубы.

Я вынула контрольную карточку и дала ей в руки. Над меню и кружкой, если смотреть с края, виднелась скула девушки. Правая сторона лица вышла из поля. Так снимают, когда человеку указывают: «Сними и ту, что ничего не ест», и фотограф, уже наведя резкость на первого работягу, в последний момент переводит объектив. Или когда его позвали, он сам пошевелился. Для всего, что делало человеческую жизнь особенной, у меня находилось объяснение в двух выдержках.

— Папа никогда так не резал, — сказала Инга. — Он бы даже из меня всю голову навязал своим подписчикам. Куда ему печатать без правого уха?

— Это не его съёмка. Посмотри на край.

На карточке осталось широкое неровное поле. Маленькая буква латинского алфавита, той формы, какую имеет русское «У», если отнять у него ножку, остриём упиралась в плечо работяги. Инга положила карточку на край стола, рядом поставила тарелку. Сосед достал за дверью гармошку и сыграл музыкальную шкалу до самого верха. Сверху всё сложнее было начинать опускаться.

— Такое чувство, что ты говорила мне на похоронах про ребят, у которых он занятия закончить не успел, — напомнила я.

— Он у всех что-нибудь не успел. Я свою феноменальную камеру получила в тридцать один. На восемнадцать особо обещал. Роддом наш снять, к примеру, тоже не успел. Здесь на стене у меня первые три дня Мишки: полстены в цветочках. Родился в четверг, Грач в субботу налетел в Седую яму за рыбаком до понедельника. После понедельника мне хоть месяц день рождения переноси, маленького совсем уже не получалось. Ни кожи этой его мятой, ни примятого уха... Я потом поймала себя на том, что хожу по парку, ищу чужого мятого ребёнка. Думаю, гляну ещё разок. Все папу любят за людей, которых он не умел пропустить. Хоть бы с одной мной насчет этого совещались.

Я придвинула ей карточку ближе. В левой руке у девушки что-то есть. Тарелка или носик чайника. Лоб у неё был красивый. С брови тянулась вниз короткая косая чёрточка от плёнки или от чернил, которыми некогда обвели бровь на бумаге.

— Верно, он школой занимался на восьмом. Не школой даже. У них ставили смену покороче, чтобы они учились чему-нибудь после обеда. Водить мотоцикл, напильником точить, капусту резать для зимней засолки. Папа сам на свою беду сказал кому-то там в цеху, что человек в состоянии сделать приличную карточку: надо её погреть, посолить, как сделал бы с

ужином, да успеть вовремя с известного места снять. С него за эту простоту и взяли подписку. Ходило к нему человек семь. Боялись работу потерять. Трое ушли. Четверо остались. Знала бы я их всех, только где ты семнадцатилеток пересчитаешь через шесть зим?

Она поставила на стол коробку с прямоугольными кусками картона. Это были поделки не её сына, как я сперва решила. На каждом папином ученике упражнялись три пары рук. Один держал молоток чуть не за боёк, другой кинопроектор в крошечной будке, третий висел на конце какой-то цепи. На обороте самого смелого снимка молодой обладатель косиц шел вниз головой в тёмной воде, свет пуговицами поднимался вокруг его улыбки. Снимать такое позволяют только тем, кому полностью доверяют, которым ещё не исполнилось восемнадцать и которых не боятся рассердить.

— Видишь столб? — спросила Инга. — Вот он же на папином семейном. Мы тут на катере ездили один раз к устью. Мне было года четыре, я всю дорогу по нему сидеть боялась. Он же мимо меня вниз уходил, будто весь пароход был у столба в кулаке.

На обороте верхней карточки были подписи. Витя Свиридов, Л. Лиепа, Алёна Гранинская, С. Лужин. Пятых и шестых искать уже не приходилось, теперь нам оставалось узнать, кто из четверых был у портовой кухни. Инга отчётливо помнила Алёнку. В своё время та объявила вместе с подругами бойкот каблукам и явилась на праздничное собрание в кирзачах из отцовского шкафа. Через три дня пришла в тех же сапогах, застёгнутых на свежие запонки, и сказала: «Теперь можно сослаться на моду». По мнению Грача, человек, который так хорошо понимал нужды своего времени, должен был впоследствии не хуже любого известного деятеля снимать кино. Инга видела Алёнку зимой в гастрономе у дороги. На ней была аэродромная рабочая куртка.

— Лучше папин короб не мотай ко мне из конца в конец. Я тебе дам ключ от занавески. Смотрела, что мы с Мишкой запечатали? Там четыре пачки за подкладкой.

Занавеска висела в мастерской, ключ открывал железный стенной шкаф за ней. Ещё при мне Грач подшивал на неё все промахи и засвеченные заказные кадры, которые неплохо выглядели в рост и разворачивали худой объект со всех сторон, как кукурузный початок на ладони. В этом шумном интерьере на закате жизни Грач мог найти негатив любого початка и не всегда был способен обеспечить таким же вниманием домашний портрет.

— А в конце девяносто второго тебе это показывали? — спросила я.

Она взяла снимок за тесную каёмку.

— В конце девяносто второго Мишка мой из ложки кашу выбивать стал. Земля немножко по-другому с этого момента пошла крутиться. Я узнавала ночи не по календарю, а по кастрюле с пелёнками, утром она должна быть полная, а если нет — забежишь за дверью спросить, почему у соседей не плачет. Папа один раз забежал ко мне, положил что-то под тарелки. Я когда за последней пошла, там и увидела.

Она перевернула свою чистую тарелку на бумаге, изобразив как это вышло. Карточка находилась в чайной тарелке, не блюдце, чайной тарелке для лимона. Грач намочил и попробовал разгладить чужой небольшой отпечаток. Саму поверхность Инга не помнила, запомнилось, что мазнул палец по углу и велел ей: «Теперь даже Мишке не отдавай погрызть, этот экземпляр у нас единичный». Сказал, что сходит в милицию утром. Она сюда же полила воды из заварника, он заварку и отпечаток унёс в другую комнату, чтобы она сама ненароком больше на него не надышала. Неделя была обычная, до первого снега. Потом высохший на чуть привставшей тарелке мокрый платок или карточка — проверить было нечем.

— У меня с папой счастливые отношения были. Видишь, я могу сказать это, а затем за минуту обидеться на него за карточку, которой он мне не сделал.

— Обидеться на отца?

— Да на него же. А кому глаза выцарапать после его смерти? Папа один остался, две правды выдержит.

В половине пятого в гастрономе нашлась Алёна Гранинская. Работала она в наружном киоске, принимала от летом беднеющего местного населения пустые бутылки под молоко и томатный сок. В молодой следственной жизни мне встречались и люди, которые пошли теми же дорогами, какими хотели, будучи семнадцатилетними. Они ходили редко и сообщали о своих успехах теперь из других городов.

— Почему в очереди не стоите? — осведомилась Алёна.

— Бутылок нет.

— У меня четыре с отколотым горлом. Могу подарить, тогда и стойте и расспрашивайте.

Она действительно выдала мне из-под стола четыре негодные бутылки и показала покупателям: журналистка принесла, мол, должное, полагающееся по местному времени дня. Мы дождались конца очереди. Алёна узнала на снимке Варю. В девяносто втором она приходила к ним в тёмную комнату дежурить на красный фонарь. Это означало стоять у двери и говорить взрослым, что извините, здесь если засветить, придётся всем оставаться до семи. Если взрослый хочет посадить их дома за стол, пусть ждёт. Имени Варя не меняла, насколько Алёна знала, всё ещё жила здесь с одним из мальчишек.

— Это Витя? Или Лужин?

— Ты ищешь с кем она живёт или кто снимал? Если первое, то я бы рада за её спиной ничего лишнего не сказать. У меня опыт. А кто снимал? У нас было два аппарата на четверых. Мне три раза приносили мой же портрет с просьбой вспомнить, какой я в то утро ставила объектив. Понимаешь? Сама стою в полосатом, на карточке. И не каждая из четырёх надёжных подписей означает, что человек туда смотрел. Мы сами одному мужику дали подписать, чтобы в проходной потерять меньше времени.

— Кого ты готова назвать?

— Себя, что я в классе добивалась, чтобы все свои фотографии подписывали. Видишь, какой вышел отдалённый результат. И Лиепу можешь снять с ног до головы, с девяносто шестого он в море. Я не кокетничаю, его судно у Мальты, у жены беременной какой месяц деньги оттуда не идут. Серёжка на правый берег переехал, подле тёткиного дома магазинчик для собак. А Витя работает где-то к югу от нас. У Вари теперь мастерская, раньше её звали к нам жалюзи чинить, человек с руками. Передай Инге, что я помню, какова она была в своих первых сапогах. А то вдруг она ещё думает, что только я ходила под двором как лошадь.

Про правый берег я записала на одной бумажке, про Мальту — на другой. Имена уместились даже на таком плохом материале. Там, где не заканчивались доказательства, начинались соседи. В отсутствие портрета можно было подобрать любого.

В редакции стояла духота. Наши две машинистки загадывали друг дружке, какая какая из закрытых конвертами организаций вернёт долг раньше, пока они не продались обе в налоговую за двухмесячный оклад. Барков дверь не закрыл. Его длинные ноги показывались из-за стола и качались, словно он сидел на слишком высокой для себя кровати.

— Ты можешь дать мне через полчаса нормальный экземпляр? — спросил он.

— Экземпляр чего?

— Нет, Олеся, я не собираюсь тебе устраивать сюрприз. Позвонил Боря Лемешевский. Работает в Москве по каспийским портам, связь у него с иллюстрированным еженедельником. Если у нас есть пара снимков одного парня в разное время с известным хотя бы косвенно автором, дадут прилично. Кому принадлежит авторство, мы определим и укажем. Сейчас только взглянуть нужно. За то, что взглянут, мы не станем давать им по рукам. Денег просить ещё рано.

— Отдал мою фамилию? Назвал чьё-нибудь имя?

— Только сказал, есть у меня история о человеке, которого искали не там, и на один день у нас может быть доказательная картинка. Представь, пожалуйста, те же слова без бухгалтерского контекста, от которого ты вздрагиваешь.

Я вынула карточку. Развернула к нему. Прежде всего Барков посмотрел на кружку в Даниной руке. Человек ли держит её или кружка покоится на столе? По странному положению пальцев можно было предполагать и то и другое. Он не спрашивал, почему парня плохо видно. Тридцать лет газеты приучили его узнавать людей по тому, как стоит поставленная ими на стол рука.

— Хорошо видно, — сказал он. — А кто автор?

— Кто-то из тех, кто учился у Грача. Завтра я ещё не узнаю, кто. Тем более сегодня.

— Ну хорошо. Дай до утра здесь оставим. Закроем на ключ. Негатив тоже?

— Негатив заберу.

— Смотри, что получается. Мои объявления читают три крайних дома на пристани. И только когда у кого-нибудь надо купить раковину. Человек из Москвы готов дать нам деньги за право посмотреть, и мы из гордости или из нежелания звонить по межгороду отказываемся сразу. А тогда зачем ты вообще сюда её принесла?

Я пыталась найти ответ, который был честен и вместе с тем не делал меня похожей на присоединившуюся к редакции на полдня надзирательницу. Ответ вышел недобрый.

— Чтобы проверить, кто из здешних начнет продавать её первым.

Он подождал. За перегородкой машинистки хохотали. Одна самозабвенно убеждала другую, будто в налоговой выдают круглый год полушубки. И потому лучше погодить до зимы или прямо сейчас попроситься в морские пограничники, где дают ещё и пару казённых сапог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.